

Тамара Морева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

В.Ф. ОДОЕВСКОЙ И О. СТОРОЖЕНКО: К ПРОБЛЕМЕ ФАНТАСТИЧЕСКОГО

Появление фантастики в литературе 30-40-х годов XIX века было закономерным следствием формирования и утверждения нового романтического типа мирозерцания, противоположного рационально-логическому типу восприятия человека XVIII- начала XIX века.

В литературе и эстетике романтизма наметился особый подход к фантастическому. В произведения романтизма оно входит как элемент содержательный, мировоззренческий, за которым стоит идея двоемирия, и одновременно как форма эстетического освоения таинственных иррациональных стихий действительности и внутреннего мира человека.

Процесс переосмысления фантастики в литературе был общим для романтизма - и западноевропейского, и русского. Это типологическое явление в разных национальных культурах имело исходным моментом общность нового взгляда романтиков на мир и человека. В.М. Жирмунский и Н.А. Сигал, анализируя этапы развития форм фантастического в западноевропейской литературе, историческую смену его различных степеней, пришли к выводу, что в конце XVIII- начале XIX века "фантастика перестает быть иноказательным приемом, затейливой виньеткой к развлекательной истории..., а становится элементом мировоззрения, мышления действительности"[2, с. 267].

Основой такой фантастики является идея двоемирия, которая получит дальнейшее развитие у романтиков. В романтической фантастике складывается законченный в своей двойственности мир, воспринимающий интуитивное представление о двоемирии бытия, господство в нем "глухих", "страшных", "ночных сил".

Не находя в современной жизни того положительного содержания, к которому устремлялись их герои, романтики искали это содержание вне реальной действительности. Окружающему миру они противопоставляли мир, созданный воображением художника в соответствии с его идеалом, мир, в котором осуществляется его стремление к справедливости и прекрасному.

Поиски иного мира, отличного от реально существующего, послужили основанием для использования в романтическом искусстве фантастики. Мир фантастических образов соответствовал художественному воплощению того, что, являясь противопоставленным реально существующему миру, было неясным, загадочным.

Поиски иного мира означали, по сути, поиски такого рода обстоятельств, которые соответствовали бы романтическому идеалу, в отличие от чуждых ему обстоятельств повседневного бытия. В этом заключается суть двоемирия в образной структуре романтических произведений: отчуждаясь от мира своего реального бытия, самоценная романтическая личность устремляется в иной мир - мир желаемого бытия, созвучный ее внутреннему миру.

Писателей-романтиков привлекал не сам по себе мир потусторонний, ирреальный, но прежде всего двойственность и таинственность самого бытия и внутреннего мира человека. В новой литературе возникла установка

на сочетание фантастики и реальности. Об этом писали и В.Ф. Одоевский и О.Стороженко.

Осмыслению фантастического в русской романтической литературе в значительной мере способствовала философская система Шеллинга. В теории познания Шеллинга своеобразным культом для русских романтиков стала идея интеллектуальной интуиции. Им импонировало учение немецкого философа о "непосредственном знании" - как средстве внерационального познания мира и человека. "... Философия Шеллинга, считая бессильным и бесплодным опытный метод для определения сущности всего существующего, выше всего ставила интеллектуальное созерцание, нечто вроде экстаза..., внутреннее непосредственное чувство, при помощи которого человек постигает безусловную, бесконечную идею" [7, с.3-4].

Ближе всего к учению Шеллинга об интеллектуальной интуиции из русских романтиков был Одоевский. Это учение стало отправной точкой в его теории познания.

Как уже было нами замечено, дуалистические представления романтиков реализовывались в структуре художественного произведения в идее двоемирия. Она лежала в основе идейно-художественной концепции романтической фантастической повести. Идея двоемирия организовывала весь поэтический мир произведения, являясь отправной в постановке многих проблем в повестях. Только через нее мы можем правильно оценить и понять многие художественные творения романтиков, авторов фантастических повестей. Ю.В. Манн совершенно справедливо полагает, что именно «...идея двоемирия позволяет понять некоторые произведения В.Одоевского, такие, как "Сильфида", "Саламандра", "Косморама" [4, с.106].

Русская романтическая проза взяла на себя задачу, казалось бы, совсем не романтическую - отображение русской реальности, ее теневых, подчас неприглядных сторон. Русская романтическая эстетика требовала мотивированной, объясняемой автором фантастики. Творчество Одоевского тяготеет к аналитичности постольку, поскольку в его произведениях с фантастическим совмещается реальное. Даже в его "таинственных" повестях ("Сильфида", "Саламандра", "Косморама"), традиционно трактуемых как мистические, есть и чисто научный интерес к тайнам человеческой психики, желание исследовать непонятные явления действительности. "Я хочу объяснить все эти страшные явления, подвести их под общие законы природы, содействовать истреблению суеверных страхов" [6, с. 308], - писал Одоевский. Законность художественной фантастики им (Одоевским) признается, но область фантастического в его произведениях ограничена и все более суживается. Романтическую фантастику упрямо теснит суровая и обыденная действительность.

Романтизм - явление сложное, внутренне подвижное, В процессе его развития существенно менялись романтические идеи, художественные принципы. В конечном итоге их эволюция определялась конкретным движением социально-исторической действительности. Трагическое осознание противоречия идеала и действительности появляется в романтизме не сразу, а в результате той эволюции, которую проделало романтическое искусство.

На начальном этапе своего развития романтизм, как отмечает И.В. Карташова, характеризуется «утверждением связи личности и природы, истории, с одной стороны, а с другой - идеей союза, братского объединения людей, идеей «органической целостности» мира внешнего и внутреннего»[3,с.11]. В произведениях раннего романтизма мир

изображался как единый природный организм. Романтическая личность сливалась с человечеством, с природой, так как сама была рождена ею, личности присуще чувство единения с природой. Но постепенно радостное мироощущение сменяется тоской по несостоявшемуся идеалу, который был возможен только в прошлом или будет возможен только в далеком будущем. Романтическая гармония исчезает в мире, где все более утрачиваются естественные человеческие связи. Возникает конфликт идеала и действительности. В этих условиях романтическая личность ощущает себя трагически одинокой. Мир, который казался таким гармоничным, становится непонятным. Огромную ценность для романтиков приобретает человеческая индивидуальность. Для романтиков характерно миропонимание, отличительной чертой которого является дуализм. В той или иной форме романтик живет в двух мирах. Он чувствует то гармонию сосуществования этих миров, то резкий контраст между «этим» миром и «тем». Из дуализма рождаются определенная символика, гиперболизм, фантастика. Общение людей с духами, таинственные происшествия, переплетение реальной жизни со сверхъестественным - все это является приметами внешнего сходства между произведениями украинского писателя О. Стороженко и В. Одоевского. Представляет интерес типологическое сопоставление творчества этих писателей.

Литературная деятельность Олексы (Алексея Петровича) Стороженко приходится на 50-60-е годы XIX века. Писатель не занял заметного места в украинской литературе. О. Стороженко даже не считал себя писателем-профессионалом, так как полностью отдавался военной службе.

С большой любовью, в романтически-приподнятом стиле, часто используя богатый, жизнеутверждающий украинский юмор, писатель

изображает простых людей. Талантливый рассказчик, мастер художественного слова, О. Стороженко внес свой неповторимый вклад в развитие украинской литературы XIX столетия. Его умение сжато, обратно, с национальным колоритом рисовать бытовые сцены, обычаи и верования украинского народа, изображать национальные характеры - это то ценное и самобытное, что есть в произведениях О. Стороженко. С большой задушевностью и чуткостью он рисует картины прекрасной украинской природы. Произведения О. Стороженко проникнуты народной фантастикой, добрым юмором и лиризмом. Все это в известной мере сближает его творчество с «Встречами на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя.

По общей направленности, по вкладу в развитие литературы и характеру своего творчества В. Одоевский заметно отличается от О. Стороженко. Правда, его имя также не относится к числу особо популярных в русской литературе. И это объясняется скорее резким своеобразием творческой личности автора «Русских ночей», нежели недостатком дарования. Историко-литературное значение творчества В. Одоевского, быть может, не до конца осознано, но оно несомненно. В. Одоевский был открывателем новых путей в литературе и создателем новых жанров. Ему принадлежит заслуга в разработке жанра биографического рассказа и музыкально-критического эссе, он был автором философских новелл.

В. Одоевский постоянно стремился к универсальному знанию, - говоря его словами, к цельному знанию. Но главным его делом была литература. Он был писателем по призванию. Расцвет творчества В. Одоевского приходится на 30-40-е годы. В это время он пишет свои лучшие произведения. Рассмотрим его мистические, «таинственные» произведения.

В. Одоевский во второй половине 30-х годов старательно изучал всякого рода оккультные науки, магию, кабалистику, магнетизм. Его

интересовали непознанные явления природы и человеческой психологии. О. Стороженко также занимали таинственные загадки жизни. Но они подходили к ним по-разному. В. Одоевскому принадлежит термин «двоемирие». Писатель не принимал пошлость современной ему действительности, отсюда возникало противопоставление ей мира потустороннего. Ап. Григорьев проникательно разгадал состояние души В. Одоевского: «У... него отрицательный пафос, пафос негодования, пополам с горькою ирониею Гамлета, с улыбкою скорби скептика, с неопределенными стремлениями мистика... Вражда не осилила здесь действительности, не обладает ею мужески, а только плачет над нею, только обещает что-то лучшее в туманной безграничной дали» [1, с. 195].

Мир представляется В. Одоевскому заключенным в реторту, которую поджаривает черт (сказка «Реторта»). Повествователь спасается из реторты, а потом в его беседе с чертом объясняется смысл сказки.

Прежде всего, это не чёрт, а чертёнок: «старые черти не удостоивают внимания наш XIX век» [5, с. 9], но бесплодна и работа чертенка: «день-деньской все варишь, варишь, а много-много; что выскочит из реторты наш же брат чертенок, не вытерпевший вашей скуки» [5, с. 9].

Стороженко видит мир иным. В духе раннего романтизма мир представляется ему единым, где тесно переплетены, постоянно сливаются реальность и сверхъестественное. Черти запросто приходят к людям, и те ничуть этому не удивляются. «...Доживав віку старий запорожець... він... чортів не цуравсь: Інколи й біси до його навертались, то він було розпитує їх і бавиться з ними» («Чортова корчма») [8, с.145]. А люди ходят на веселые праздники чертей. «Випив запорожець і другу. Якось йому повеселішало, неначе помолодшав ...випив, трошки оддыхав і знов пішов із чортом козачка» [8, с.147].

О. Стороженко изображает Украину пленительно прекрасной сказочной страной, где всегда ярко светит солнце, где люди живут, не зная ни горя, ни несчастья, ни труда. Мир, окружающий этих людей, населен чертами, ведьмами, оборотнями. Они приходят к людям, общаются с ними, приглашают на свои веселые праздники. Это единение мира реального и потустороннего органично в произведениях О. Стороженко. Такое восприятие отвечает духу народной мифологии.

Герой повести «Закоханий чорт» становится свидетелем свидания черта с ведьмой, которая согласилась выйти замуж за черта с условием, что тот исполнит ее желание. Ведьма пожелала спасения. Запорожец влюбляется в нее и делает все, чтобы спасти ее душу, избавить от нечистой силы. Кирила честен, прям, справедлив, великодушен. Ему совершенно незнакомы симптомы мучительного разлада с окружающей действительностью. Он - личность непосредственная и цельная. Вместе с тем он считает позволительной хитрость в отношениях с простодушным чертом Трутиком.

Черт становится верным помощником запорожца. В образе Трутика совмещаются реальные человеческие черты с фантастическими. Он влюбляется в девушку-ведьму, держит свое слово, верно служит запорожцу. Когда Кирила, удивившись поведению черта, спрашивает его: «Розкажи мені, чорте... яким се побитом ти закохався у відьму?» - Трутик печально отвечает ему: «Е, братіку... і у нас серце, таке ж, як і в вас, і з тим же проклятим коханням!» [8, с. 88]. Черт показан с лукавой насмешливостью, благодаря чему фантастика часто переключается в бытовой, юмористический план. В фантастике О. Стороженко нет ничего мистически-таинственного. Она тесно связана с фольклорными истоками, с народной поэзией, мифом. Романтический идеал О. Стороженко опирается на народные представления,

на идеалы братства и товарищества, выработанные народом в течение его многовековой истории, на особенности уклада народной жизни как коллективной. Романтическая субъективность в творчестве О. Стороженко не предполагает индивидуалистических настроений.

Все события повести «Закоханий чорт» приближены к земным, реальным. Перед нашими глазами разворачиваются чудесные картины украинской природы, населенной лесовиками» чертями, ведьмами. Пейзаж играет важную роль в произведениях Олексы Стороженко: он выражает эмоциональный подтекст произведения, авторское начало. В его обрисовке воплощается мысль о единстве человека и мира. Вот каким пейзажем начинается повесть «Закоханий чорт»: «Мій боже милий! що за ліс! Якого нема тут деревії і високих, величезних, і старих, скорчених, похнюпих, що вже віку свого доживають. Інше, сламане хуртиною і опалене блискавкою, стоїть собі край дороги, як чернець, там трухлявий пень схилився, як той старець з торбою. Куди не глянь - усе тебе чарує, привітає, усе тобі всміхається» [8, с. 76]. В этом описании природы подчеркнута ее «духовность», соотношение с судьбой и участием человека; проза приобретает ритмическое звучание. В романтическом пейзаже подробности соотнесены не с реальным изображением природы, а с ее субъективным ощущением, с ее ролью в выявлении эмоционального подтекста произведения. Пейзаж служит своего рода декорацией, которая подчеркивает эмоциональную напряженность действия.

У В. Одоевского идея двоемирия находит художественную реализацию в повестях «Сильфида», «Саламандра» и др. Сюжет их основан на истории общения человека с миром стихийных духов. Герой повести «Сильфида» вступает в мистический союз с духом воздуха - Сильфидой. Он тянется к этому духу, явившемуся ему в образе прекрасной женщины, Герой находится

в разладе с действительностью, он разочарован. В «Сильфиде» резко разграничены два мира: земной и неземной. Здесь - тупость, невежество, мешающее пищеварению. Сильфида зовет в мир иной. «...Еще далеко, далеко до нашего мира... но я не оставлю тебя! - Как все мертво в твоём жилище... все живое покрыто холодной оболочкой: сорви, сорви ее!» [6, с. 129]. Это живое, конечно, - душа; эта холодная оболочка, конечно, - плоть. Для В. Одоевского, чтобы жить в духе, нужно сорвать «ладную оболочку», отречься от плоти. Поэтическая мечта вступает в конфликт с банальностью обыкновенной жизни. При этом увлечение Михаила Платоновича рассматривается как болезнь, грозящая умопомешательством.

Мистический элемент в повести В. Одоевского не составляет ее главного предмета. Общение с Сильфидой является образцом устремления человека к высоким началам жизни и природы. Но излеченный от своего «сумасшествия» бульонными ваннами, Михаил Платонович лишился поэтического начала в жизни, превратился в пошлого обывателя. Вера в союз с Сильфидой приближает героя к прекрасному и таинственному началу бытия, а с другой стороны, выступает как плод больного воображения, как нечто ненормальное и нездоровое. В. Одоевский склонен считать окружающую его обыденную жизнь лишенной красоты и поэзии. И этим его творчество явно отличается от оптимистических повестей О. Стороженко. В «Сильфиде» мы видим не просто фантастическую сказку и не просто психологическую картинку, а отражение душевной жизни самого В.Одоевского и его мировоззрения.

В. Одоевский - художник интеллектуального дарования, хорошо знакомый с разными философскими системами, часто сознательно опирающийся на то или иное положение различных мыслителей от Платона до Шеллинга. Его интересуют общие вопросы бытия, назначение человека,

законы общества и пути его развития. О. Стороженко далек от всего этого. В основе его творчества - чувство. К философским вопросам, занимавшим умы его современников, он, как правило, оставался равнодушным.

В. Одоевского в первую очередь интересует истина, О. Стороженко - красота. Красота окружающей природы, людей, человеческих отношений, чувств. Задачу искусства В. Одоевский видит в том, чтобы по мере возможности способствовать изменению жизни. Это определяет дидактический характер многих его произведений. Основной пафос его творчества - социально-этический. О. Стороженко изменение жизни интересовало мало. Ему чужд дидактизм. Его идеалы находятся не в этической, а в эстетической сфере. И В. Одоевский, и О. Стороженко - романтики. Но они представляют разные формы романтизма. О. Стороженко более близок к раннему романтизму.

Он утверждает единство с миром и обращается к фантастике мифологической, в которой передано тождество мира в его простой, нерасчлененной форме. Его герои - люди из народа, характеризующиеся непосредственностью и цельностью. Герой В. Одоевского - личность рефлектирующая, разочарованная, находится в разладе с действительностью. Отсюда возникает идея двоемирия. Фантастика у В. Одоевского проникнута идеей двоемирия. Вместе с тем эти различия не исключают типологического сходства между обоими писателями. Их сближает высокое представление об искусстве и художнике, свойственное всем романтикам. Оба писателя, находясь перед лицом действительности, хотя и по-разному, но отражали ее в своих произведениях, используя приемы, характерные для творчества романтиков. Романический пафос в творчестве обоих художников сочетался с сатирой. Типологически близки оба писателя и в признании бездушия и автоматизма современной жизни. У О. Стороженко оно проявляется в

сатирически заостренных повестях «Вуси» и «Голка». Сходство между писателями обусловлено тем, что В. Одоевский называл «духом среды», результатом аналогичных наблюдений, раздумьями над прочитанным. В творчестве В. Одоевского и О.Стороженко отразилась общая атмосфера романтических идей, настроений. Причем это отражение было глубоко своеобразным.

Условно-фантастические картины Одоевского отличаются от фантастики Стороженко. В особенностях сюжета и способах обрисовки характеров у Одоевского и Стороженко существенные различия. Сюжеты повестей Стороженко восходят к народным сказкам и преданиям, сюжет Одоевского – символично-образному воспроизведению философски осмысленного мира. Герои Стороженко ярко передают национальный характер. Образы Одоевского - олицетворение идеальных представлений об интуитивно-познаваемой жизни русского общества.

Литература

1. Григорьев Ап. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина / Ап. А. Григорьев // Литературная критика. – М., 1967. – С.157-239.
2. Жирмунский В.М., Сигал Н.А. У истоков европейского романтизма/ В.М. Жирмунский, Н.А. Сигал // Уолпол Г., Казот Ж., Бекфорд У. Фантастические повести. – Л.: Наука, 1967. – С.249-284.
3. Карташова И. Гоголь и романтизм / И. Карташова. – Калинин, 1975. – 123с.
4. Манн Ю.В. В.Ф. Одоевский и его «Русские ночи» /Ю.В. Манн // Русская философская эстетика. – М.: Искусство, 1969. – С.104 – 149.
5. Одоевский В.Ф. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных

ученых обществ, изданные В. Безгласным» / В.Ф. Одоевский. – СПб., 1833. – 156с.

6. Одоевский В.Ф. Сочинения: В 3 т. / В.Ф. Одоевский. – СПб., 1844. – Т.2.

7. Скабичевский А.М. Очерки умственного развития нашего общества / А.М. Скабичевский // Отечественные записки. – 1870. - № 11. – Отд. I. – С.3-31

8. Стороженко О. Твори: В 2т. / О. Стороженко. – К., 1957. – Т.1. – 438с.